

СТИХИ З. ГИППУСЪ.

г. МАЛИНКА.

...А въ комъ духъ слабѣлъ,
тому дѣдъ давалъ ягоду,
вродѣ малинки. И кто кушалъ—
тотъ уже смерти не пугался,
а шелъ на нее мирно, какъ бы
въ полуснѣ
(Раскольник-самосожженцы).

Листъ положенъ сверху вялый,
Переплетъ корзинки тугъ,
Я принесъ подарокъ алый
Для души твоей мой другъ.

Темноярки и пушисты,
Всѣ онѣ—одна къ одной.
Спать, какъ дѣти, чисты, чисты,
Въ колыбели, подъ листвою.

Томъ полудня вздохомъ мгlistымъ,
Ихъ лаская, обвила.
Дымомъ легкимъ и огнистымъ
Заалѣли ихъ тѣла.

Погляди жъ въ мою корзинку,
Угостить себя позволь...
Любить вѣщую малинку
Человѣческая боль.

Сердце плачетъ? Кушай, кушай,
Сердце—ворогъ, сердце—звѣрь.
Никогда его не слушай,
Никогда ему не вѣрь.

Обрати, душой покорной,
Трепетъ въ тихость, пламень въ ледь...
Отъ малинки наговорной
Все забудешь, все пройдетъ.

Кушай, кушай... Всюду бренность,
Радость—съ горемъ сплетена...
Кушай... Въ ягодкахъ забвенность,
Мара, сонъ и тишина.

2. ДЬЯВОЛЕНОКЪ.

Миѣ повстрѣчался дьяволенокъ,
Худой и щуплый—какъ комаръ.
Онъ тѣломъ былъ совсѣмъ ребенокъ,
Лицомъ же дикъ: остеръ и старъ.

Шель дождь... Дрожить, темнѣетъ тѣло,
Намокла включенная шерсть...
И я подумалъ: эко дѣло!
Вѣдь тоже мерзнетъ. Тоже персть.

Твердятъ: любовь, любовь! Не знаю.
Не слышно что-то. Не видалъ.
Вотъ жалость... Жалость понимаю.
И дьяволенка я поймалъ.

Пойдемъ, дѣтенышъ! хочешь грѣться?
Не бойся, шерстку не ерошь.
Что тутъ на улицѣ тереться?
Дамъ дѣткѣ сахару... Пойдешь?

А онъ вдругъ, этакъ, сочно, зычно,
Мужскимъ ласкающимъ баскомъ:
(Признаться—даже неприлично
И жутко было это въ немъ)—

Пророкоталь: „Что сахаръ? Глупо.
Я, сладкій, сахару не ъмъ.
Давай телятинки, да супа...
Ужъ я пойду къ тебѣ—совсѣмъ“.

Онъ разозлилъ меня бахвальствомъ...
А я хотѣлъ еще помочь!
Да ну тебя, съ твоимъ нахальствомъ!
И, не спѣша, пошелъ я прочь.

Но онъ заморщился, и тонко
Захрюкалъ... Смотритъ, какъ больной...
Опять мнѣ жаль... И дьяволенка
Тащу, трудясь, къ себѣ домой.

Смотрю при лампѣ: дохлый, гадкій,
Не то дитя,—не то старикъ.
И все твердить: я сладкій, сладкій...
Оставилъ я его. Привыкъ.

И даже какъ-то съ дьяволенкомъ
Совсѣмъ сжился я, наконецъ.
Онъ въ полдень прыгаетъ козленкомъ,
Подъ вечеръ—темень, какъ мертвецъ,

То ходить гоголемь-мужиной,
То вьется бабой вкругь меня,
А если дождикъ—пахнетъ псиной
И шерстку лижетъ у огня.

Я прежде всѣмъ себя тревожилъ:
Хотѣлъ того, мечталъ о томъ...
А съ нимъ мой домъ... не то что ожилъ,
Но затянулся, какъ пушкомъ.

Безрадостно-благополучно,
И нѣжно-сонно и темно...
Мнѣ съ дьяволенкомъ сладко-скучно...
Дитя, старикъ,—не все ль равно?

Такой смѣшной онъ, мягкій, хлипкій,
Какъ разлагающійся грибъ.
Такой онъ цѣпкій, сладкій, липкій,
Все, липнулъ, липнулъ—и прилипъ.

И оба стали мы—единый.
Ужъ я не съ нимъ—я въ немъ, я въ немъ!
Я, самъ,—въ ненастье, пахну псиной
И шерсть лижу передъ огнемъ...

3. НЕЛЮБОВЬ.

Какъ вѣтеръ мокрый—ты бьешься въ ставни,
Какъ вѣтеръ черный поешь: ты мой!
Я древній хаосъ, я другъ твой давній,
Твой другъ единый,—открой, открой!

Держу я ставни, открыть не смѣю,
Держусь за ставни и страхъ таю.
Храню, лелѣю, храню, жалѣю
Мой лучъ послѣдній—любовь мою.

Смѣется хаосъ, зоветъ безокий:
Умрешь въ оковахъ,—порви, порви!
Ты знаешь счастье, ты одинокий,
Въ свободѣ счастье,—и въ Нелюбви.

Охладѣвая, творю молитву,
Любви молитву едва творю...
Слабѣютъ руки, кончаю битву,
Слабѣютъ руки... Я отворю!

4. ЧЕРНЫЙ СЕРПЪ.

Спеленать, лежу, покорный,
Лежу я очень давно;
А мѣсяцъ, черный-пречерный,
Глядитъ на меня въ окно.

Мнѣ страшно, что мѣсяцъ черный...
А, впрочемъ,—не все-ль равно?
Когда-то я былъ упорный,
Виль цѣпь, за звеномъ звено...

Теперь, какъ песь подзаборный,
Лежу да твержу одно:
И чѣмъ мой удѣлъ позорный?
Должно быть такъ суждено.

Водицы бѣ мнѣ наговорной—
Да нѣтъ ея, не дано;
Чьей силою чудотворной
Вода перейдетъ въ вино?

И страхъ мой— и тотъ притворный:
Я радъ, что кругомъ темно,
Что мѣсяцъ, корявый, черный,
Глядитъ на меня въ окно.

5. ТВАРЬ.

Царица вѣчно ясная,
Душа моей души!
Зову тебя, прекрасная,
Зову тебя, спѣши!

Но, знаю, на свиданіе
Придешь ты не одна.
Придетъ мое страданіе,
Мой грѣхъ, моя вина.

И предъ тобой, обиженной,
Склоняться буду ницъ,
И слезы пить униженно
Съ опущенныхъ рѣсницъ.

Прости мнѣ! Безконечности
Въ любви я не достигъ.
Творю тебя не въ вѣчности,
Творю на краткій мигъ.

Приходишь ты, рожденная
Лишь волею моей.
И, волею зажженная,
Погаснешь вмѣстѣ съ ней.

Шатаясь отодвинешься,—
Чуть ослабѣю я..
И молча опрокинешься
Во мглу небытія.

З. Гиппіусъ.